

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Елены Картур
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ТРОЕМИРЬЕ. ИГРЫ С ДЕМОНАМИ
СНЕЖНЫЙ БАРС
ПРОСНУТЬСЯ ДРАКОНОМ

Елена КАРТУР

ПРОСНУТЬСЯ ДРАКОНОМ

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К27

Серия основана в 2004 году
Выпуск 434

Художник
В. Бабкина

Картур Е.
К27 Проснуться драконом: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 375 с.: ил. —
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1304-1

В другие миры попадают по-разному: кого-то машина собьет, кто-то магический ритуал проведет. А что, если ты просто спишь и видишь сны о полетах? Ничего необычного, не правда ли? Только если не проснешься однажды в теле маленького дракончика размером с котенка...

А вокруг совершенно незнакомый мир, убийства, придворные интриги и хозяин-авантюрист. И ты — волшебный питомец, способный объясняться с людьми лишь жестами и опасаящийся продемонстрировать свою разумность. Как приспособиться к новому телу и не сойти с ума? Как выжить в эпицентре опасной интриги и шпионских игр?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1304-1

© Елена Картур, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ГЛАВА 1

Сон, мне давно не снились такие потрясающие, похожие на реальность сны! Это было просто великолепно: я всегда мечтала летать и теперь, ощущая потоки воздуха, поддерживающие мои крылья, чувствуя, как этот же воздух ласкает тело, была готова кричать от восторга. Где-то внизу виднелись горы, с таких заоблачных высот их можно было рассмотреть почти целиком. Как и множество ярких разноцветных существ, похожих на меня, точно так же беззаботно и весело кувыркающихся в воздухе, парящих на восходящих потоках. Они были прекрасны, и я тоже казалась себе просто великолепной — с чешуей изумительного ало-черного окраса и широкими кожистыми крыльями, черными у основания, переходящими в красное и на концах почти нежно-розовыми. Совсем недалеко от меня парил изумрудно-золотой самец, легко и изящно поворачиваясь в воздухе, подставляя солнцу золотистые бока.

Ниже играли в салочки два оранжевых, как апельсин, дракончика, кажется, мы с ними из одного гнезда, но я в этом не уверена. Ведь это всего лишь сон, хоть и невероятно правдоподобный, красочный. Прежде я и не подозревала, что бывают такие сны, в которых можно чувствовать прикосновение воздуха к телу, запах ветра и нагретого камня. Не говоря уж о том, чтобы ощущать драконье тело так хорошо, словно оно твое собственное. Очень гибкое и ловкое тело, настолько, что я могла в воздухе свернуться в кольцо, успеть развернуться в падении и поймать воздушный поток крыльями.

Оранжевые дракончики продолжали дурачиться на маленькой высоте, эту малышню мое нынешнее «я» восприни-

мало как братьев. Изумрудно-золотой дракон, издав мелодичную трель, полетел навстречу приближающейся ало-серебристой дракончке. Я, крутнувшись вокруг своей оси, направилась в сторону от гор, желая рассмотреть чудесный, наваянный сном мир, пока есть такая возможность. Ведь утром я проснусь и, вероятно, больше никогда не увижу ничего подобного.

За горами, наползая на них, начинался густой лес, в предгорьях он был преимущественно хвойным, но дальше виднелись лиственные деревья. В этом волшебном драконьем мире стояла сухая золотая осень, деревья, похожие на клены, роняли желто-оранжевые листья среди хвойной зелени. Возможно, сон был слишком красочным, возможно, зрение доставшегося мне во сне драконьего тела отличалось от человеческого. Но все, что попадалось мне на пути, казалось таким ярким и красивым, каким просто не могло быть в реальности. Каждое дерево, каждый кустик и камень играли красками. Небо сияло такой пронзительной голубизной, что невозможно было оторвать взгляд.

Я полетела дальше, рассматривая осенний лес, немного снизилась, чтобы было лучше видно. Далеко впереди показалась небольшая полянка. Захотелось упасть в нее и ощутить чувствительной драконьей шкурой шелковистую изумрудную траву.

«Странно, — сквозь восторг красивого сна пробились рациональные мысли, — чешуя, а чувствительная, как кожа. И с масштабами тут что-то не так, то ли деревья огромные, то ли драконы карликовые».

Не удержавшись, я сложила крылья и рухнула прямо в траву, с наслаждением вдыхая пьянящий аромат травяного сока. Красота какая! А дома ранняя весна, холодина жуткая. Не хочу просыпаться!

Еще раз вдохнула полной грудью... и все-таки проснулась. С неохотой открыла глаза, созерцая знакомый потолок своей спальни, медленно поднялась и побрела на кухню заваривать любимый чай с лимоном. Вездесущая Маруся как всегда не вовремя подвернулась под ноги и с возмущенным мявком шаркнула меня когтями по тапочкам.

Я вяло ругнулась.

— Маруська, дурная зверюга, сколько раз тебе говорила, не лезь под ноги!

Кошка, гордо подняв хвост, не торопясь продефилировала на кухню требовать свой законный завтрак. Всякие там «Вискасы» моя белоснежная привереда не признавала принципиально, зато маниакально обожала кильку в томате. Завтракали мы каждый своим любимым блюдом, Маруська уже тщательно вылизывала банку из-под кильки, я запивала припасенные с вечера булочки горячим чаем. Есть у меня такая слабость — обожаю сдобные булочки с маком на завтрак, но позволяю их себе редко и исключительно в выходные. Именно в выходные я даю себе немного расслабиться и потакаю своим маленьким капризам.

Покончив с завтраком, я задумалась, чем бы заняться. Честно говоря, больше всего хотелось рухнуть обратно в постель и заснуть вновь, хотя я совсем не чувствовала себя уставшей. Но яркий, такой живой сон так и манил погрузиться в него. Не знаю, почему так получалось, что меняло мое восприятие, но там все казалось насыщенней, краски ярче и многообразней, запахи имели множество незнакомых оттенков, кожа, покрытая чешуей, ощущала прикосновения совсем иначе, чем я привыкла. Все так объемно и по-настоящему, что реальность после такого сна выглядела серой и тоскливой, словно припорошенной пылью. Было такое странное чувство, что все поменялось местами: сон стал реальностью, а реальность, напротив, все больше напоминала тусклый и невнятный сон.

Я напрасно боялась, что этот красивый драконий мир мне больше не приснится, потому что исправно видела его вот уже пятую ночь. Сначала это были короткие и не слишком достоверные сны. Затем они становились все длинней и насыщенней, мне уже начинало не хватать обычных полетов над горами, все чаще хотелось отлететь от них подальше, посмотреть, что же там есть еще, в этом мире сна. И насколько он огромен, потому что здесь невозможно было пожелать оказаться на другом конце мира и мигом туда переместиться. Все было очень реалистично, полет закономерно отнимал время и силы, а день, как положено, сменялся ночью, освещенной лиловой луной. Мне все чаще начинало казаться-

ся, что это какая-то другая реальность, а не только ночная иллюзия, навеянная бурным воображением. А может, я себя лишь убеждала в этом, не желая расставаться с такой интересной и неожиданно приятной частью своей жизни. Особенно учитывая, что после этих снов реальность становилась все более тоскливой.

День прошел ужасно бестолково. Я пыталась заняться уборкой, но все валялось из рук, хотела развеяться, пройдясь с подружкой по магазинам, но, когда ухитрилась надеть примеряемый свитер наизнанку и совершенно серьезно одобрить выбранное подружкой платье дикого ярко-малинового цвета, поняла, что из этой затеи тоже ничего хорошего не вышло.

Вернувшись домой и бессмысленно промаявшись до вечера, с облегчением рухнула в постель сразу, как только стемнело.

Опять широкая поляна с изумрудной травой, одуряющий запах, как будто кто-то только что косил сено. На самом деле это всего лишь я раздавила тонкие стебли своим телом. В лесу пахло осенью, хвоей и прелыми листьями. Еще какими-то животными, разными. Но какими, я определить не могла, запах просто не с чем было сравнить. Кажется, мое нынешнее драконье тело было слишком юным и еще ни разу не удалялось от гор, а значит, никаких животных, кроме горных баранов, не видело. Или правильной было сказать — я не видела?

В лесу мне нравилось: умиротворенно и красиво. Опять же обилие запахов, большинство из которых незнакомы либо знакомы, но оборачиваются совершенно иными сторонами. Я нюхала и щупала все, до чего могла дотянуться. Спугнула белку, щелкающую шишку на елке, шишка упала мне на голову, вызвав веселый смех. Забавно: оказывается, драконы умеют смеяться, не так, как люди, но ни с чем другим этот звук спутать было нельзя. А вот разговаривать, к сожалению, не умеют. Я пробовала, оказалось, что голосовые связки этого тела не приспособлены к человеческой речи. Драконы неразумны? Или у них свой собственный язык, подходящий для этих существ? Наверное, первое. Драконы похожи на обычных зверей, у них лапы, хоть и на-

поминающие руки, однако ходят эти крылатые ящеры на четырех лапах. У крыс, например, тоже весьма ловкие конечности, но они ведь не становятся от этого более разумными. Впрочем, о чем я думаю, это же всего лишь сон!

Верить в то, что весь окружающий мир — лишь сон, не хотелось. Со вздохом я решила, что пора бы чем-нибудь перекусить, собственный организм напомнил о том, что здесь все происходит как в реальности. Я попробовала поискать какие-нибудь съедобные ягоды. Вряд ли драконы вегетарианцы, но мысль полакомиться ягодами отторжения не вызвала. А уж когда я набрела на спелую бруснику, то всякие сомнения отпали окончательно.

В тот момент я даже не догадывалась, насколько рискованна моя беспечность в этом лесу. Я не беспокоилась о том, что мне необходимо чего-то опасаться, не обращала внимания на посторонние звуки, увлеченно смакуя вкус алых ягод. Как оказалось, вкусовые ощущения у драконов тоже отличаются от человеческих в лучшую сторону, раз уж обычная брусника вдруг превратилась в великолепное и почти незнакомое лакомство.

Следовало, наверное, задуматься о том, что, раз уж в этом сне все так реалистично, он просто не может быть радужно-беспечным и безопасным. Закономерный вывод вообще-то.

Посторонние звуки я услышала и даже насторожилась, прислушиваясь. Но все тут же затихло, будто зверь, который подбирался ко мне, испугался моего движения и замер. Да и пахло тоже зверем. Правда, запах показался мне странным, словно бы не совсем живым, но сравнивать опять же было не с чем, а то, что удалось унюхать, настороженности не вызывало. Вероятно, это был не хищник, я вернулась к таким вкусным ягодам. Звук спустя какое-то время повторился. Настороженно прислушиваюсь — опять тишина. Так повторялось еще два раза, но, судя по ощущениям и запаху, незнакомый зверь не пытался приблизиться, а лишь обходил меня стороной.

Я до последнего момента не насторожилась, даже когда сверху упала сеть, не сразу поняла, что произошло. А когда забилась, вырываясь, на меня рухнуло тяжелое тело, вызвав

приступ паники. Забилась еще сильнее, даже кусалась и царапалась, но меня придавили к земле, стараясь плотней запеленать в сеть. Я сообразила, что это человек, только когда затянутая в плотную кожаную перчатку рука прижала к моему носу отвратительно воняющую тряпку. Попытка укуситься успехом не увенчалась — перчатка слишком плотная, зубы наполовину завязли в толстой коже. Человек выругался на незнакомом языке и что-то крикнул, рядом рухнул второй, вместе им удалось наконец зафиксировать меня и прижать к носу свою тряпку. Драконьи глаза начали медленно закрываться...

...и я проснулась в своей постели под истеричные вопли будильника.

Пора собираться на работу.

Собиралась я как на автопилоте, все еще переживая случившееся во сне. Сейчас собственное поведение казалось весьма нелогичным, как у ребенка, который и не подозревает, что в жизни существуют какие-то опасности и злые люди, от которых следует держаться подальше. Вообще, если задуматься, я очень странно чувствовала себя в драконьем теле: помнила, кем являюсь, осознавала, что заснула в своей постели, прежде чем оказаться в этом теле и в этом мире, но в то же время, если жестко не контролировала чешуйчатое тело, оно вело себя как беспечный ребенок. И если вспомнить двух оранжевых дракончиков, которые якобы «из одного со мной гнезда», то, очевидно, так и есть.

Интересно, и с каких это пор происходящее во сне стало волновать меня настолько, что реальная жизнь отошла даже не на второй план, а вообще куда-то в сторону? Я даже не заметила, как добралась до работы, благо привычный за годы маршрут въелся в подкорку настолько, что я не перепутала автобус и не заехала на другой конец города, не попала под машину, рассеянно переходя дорогу, и даже не вляпалась ни в одну лужу.

Вот только работоспособность в этот день оказалась равна нулю, я трижды была обругана шефом, почти безразлично отреагировала на угрозу увольнения, борясь с внезапно навалившейся на меня сонливостью. Спать хотелось просто невероятно сильно, но в то же время засыпать было откоро-

венно страшно. Я уже имела возможность убедиться, что мои сны чрезвычайно похожи на реальность и помимо радости могут доставлять и боль. И кто знает, что будет, если вдруг в таком сне я покалечусь или умру? Небезынтересная мысль, учитывая последнее происшествие.

Я выпила неизвестно какую по счету чашку кофе и упрямо попыталась вернуться к работе. Сосредоточиться не получалось, а глаза закрывались, и прогнать сон не выходило уже никаким кофе. Коллеги уже давно шептались, наблюдая за моей борьбой со сном, и страшно подумать, до чего уже договорились. Наконец одна из моих «закадычных подруг» не выдержала.

— Что-то ты, Катерина, сегодня не в форме, — заметила она елейным голоском. — Видимо, выходные прошли с пользой. Неужели ты нашла себе красавца-мачо, и он за ночь тебя совсем укатал?

— Представь себе, и даже двух, — привычно огрызаюсь без всякого энтузиазма. Единственное, что меня сейчас по-настоящему занимало, так это попытка сдержать богатырский зевок.

Следующей реплики я уже не услышала, потому что рухнула на стол, мгновенно проваливаясь в сон.

Если человеку нужно стать незаметным, то самое лучшее — одеться по возможности неброско и вести себя естественно, а вот если человеку необходимо просто остаться неузнанным, то вполне сойдет и длинный плащ с глубоким капюшоном. Ингельду Регди было безразлично, насколько он незаметен, но узнанным здесь ему быть совершенно не хотелось. Более того, узнай кто-нибудь третьего королевского советника здесь и сейчас, он вполне мог бы лишиться своего места. При других обстоятельствах Регди и не подумал бы связываться с контрабандистами и браконьерами, однако сейчас ему срочно понадобился фамильяр. И это, без преувеличений, было вопросом жизни и смерти, его жизни и смерти.

Естественно, он сначала попытался достать фамильяра через официальные питомники. Это в любом случае было бы оптимальным выходом: животное, взятое из только что

вылупившейся кладки, приручается, да и обучению поддается гораздо лучше. К тому же не без оснований считается, что дикие драконы и вовсе не поддаются дрессировке и с трудом уживаются с человеком, вероятно, они гораздо глупее тех, что разводят в питомниках. Но у Регди не осталось выбора: ближайшая кладка должна вылупиться лишь через пять дней, не говоря о том, какая на будущих фамильяров очередь среди первых семей королевства. Советник мог бы использовать свое влияние, чтобы подвинуть эту очередь в свою пользу, чем наверняка нажил бы множество врагов. Фамильяр мало того что создание крайне полезное для своего хозяина, в некоторых случаях даже незаменимое, наличие фамильяра еще и весьма престижно. Но, пожалуй, Регди готов был и на конфликт, если бы это имело хоть какой-то смысл. Ждать, пока вылупится кладка, у него не было времени.

Советник остановился и на миг прислушался — показалось, что за ним кто-то идет, или это лишь случайный прохожий? Он нырнул в тень, пропуская идущего мимо человека, усмехнулся, обнаружив, что тот точно так же кутается в темный плащ. Еще один авантюрист, решивший обзавестись фамильяром незаконным путем? Следует поспешить — будет досадно, если то, ради чего он ввязался в столь опасную авантюру и преступил закон, уведут у него из-под носа.

Дикие драконы рождаются лишь в Заповеднике, и охота на них запрещена законом. Браконьерам, пойманным сличным, грозит казнь, а тем, кого уличат в покупке дикого дракона, — конфискация имущества и изгнание, невзирая на титулы. Советник рисковал всем, связавшись с браконьерами, но и не сделав этого, он рисковал, пожалуй, большим — собственной жизнью.

Он подошел к нужному дому почти одновременно со вторым посетителем, остановился за его спиной, ожидая, пока тот постучит в потемневшую деревянную дверь под закоптелым, постоянно мигающим фонарем. Рука, вынырнувшая из-под плаща, была обтянута тонкой кожей перчатки и показалась по-женски изящной.

Дверь открыл толстый низкорослый человек с лицом за-

взятого уголовника и пропойцы, подслеповато прищурился в едва разгоняемый фонарем сумрак.

— Проходите, господа, — угрюмо проворчал толстяк, разглядев посетителей.

Неизвестный в плаще, мгновенно осознав смысл фразы, прынул в сторону, резко оборачиваясь. Усмехнувшись под широким капюшоном, советник ловко обогнул застывшего незнакомца и нырнул в услужливо открытую дверь. Дама или нет, это неизвестно, может, и вовсе особо нервный юнец, начитавшийся романтических сказок. А Регди сейчас было не до церемоний, да и место неподходящее для проявления галантности.

Сердитое фырканье в спину и легкие шаги косвенно подтвердили его догадку, что под плащом прячется дама.

В небольшой комнате, куда гостей проводил насупленный толстяк, не было ничего, кроме колченого стола, одного стула, занятого неправдоподобно тощим человеком, и неизвестного пока предмета, накрытого толстой тканью. Скорее всего, клетка с драконом. На столе стоял подсвечник на четыре свечи — единственное освещение в комнате.

— Вы обещали мне, что я буду единственным покупателем! — Голос незнакомца или, скорее уж, незнакомки звучал возмущенно.

Советник предпочел промолчать. Он знал, куда идет, и предполагал, что браконьеры попытаются устроить торги, странно лишь, что пригласили всего двоих. Да, они рискуют, однако и куш могут сорвать немалый, после чего залягут на дно на несколько месяцев. Единственное, что его беспокоило, насколько состоятельна незнакомка, не сумеет ли она перекупить фамильяра?

— Если вы чем-то недовольны, можете подождать в сторонке, думаю, этот господин с удовольствием купит дракона, — нахально заявил второй браконьер, не удосужившись подняться с единственного в комнате стула, чтобы поприветствовать гостей. Толстяк поддержал его угрюмым молчанием.

— Товар покажите, — потребовал Регди, в самом зародыше пресекая едва не начавшуюся перебранку.

Леди, а в этом не осталось уже никаких сомнений, вновь

выразила свое отношение к ситуации возмущенным фырканьем.

Зато браконьеры без всяких возражений сняли покрывало с клетки. Регди постарался рассмотреть при неверном свете свечей будущего фамильяра. В клетке, напряженно подняв крылья и оскалив ряд мелких острых зубов, замер перепуганный маленький дракончик ало-черной расцветки. Судя по размерам, дракончик был еще совсем юным, что, несомненно, хорошо. И смертельно перепуганным, что гораздо хуже. Темно-лиловые глаза настороженно блестели, быстро перебегая от одного человека к другому.

Леди неосторожно подошла к клетке, протягивая руку к дракончику, за что чуть не поплатилась пальцами. Звереныш щелкнул зубами едва ли не в миллиметре от них, предупреждаяще зашипев. Регди знакомиться с фамильяром не спешил, предпочитая в первую очередь озаботиться практическими вопросами.

— Сколько?

— А сколько господин может предложить? — тут же алчно поинтересовался браконьер.

— Эй, погодите, этого дракона беру я! — возмутилась леди.

— Этого дракона заберет тот, у кого больше денег, — спокойно отозвался советник. И опять браконьеру: — Так сколько? Назовите начальную цену.

Браконьеры не поскромничали, назначив цену в четыре белых, или четыре тысячи золотых. Да, фамильяры стоят недешево, даже в питомниках, эти проходимцы, видимо, решились стрясти с двоих глупцов все, что возможно.

— Тот, кто предложит больше, и получит этого дракона.

Незнакомка, прячущаяся под плащом, торговалась яростно, у советника сложилось такое впечатление, что ей жизненно необходим этот дракон, и, пожалуй, в других обстоятельствах он бы уступил даме. Если бы собственная необходимость не заботила его сейчас гораздо больше благородства и хороших манер. Сам Регди особых эмоций в импровизированном аукционе не проявлял, понимая, что в конечном счете выиграет тот, у кого с собой наличности больше.

— Девять белых! — в отчаянии воскликнула незнакомка, швырнув на стол мешочек с тихо звякнувшими платиновыми монетами.

Советник понял, что это все, что у нее было, снял с пальца золотой перстень с крупным рубином, порадовавшись, что догадался взять тот, на котором нет его личного клейма. Перстень он аккуратно положил на стол, рядом мешочек, почти такой же, как у леди.

— Восемь белых и две тысячи золотых за перстень, — сказал Регди.

Толстяк повертел в мясистых пальцах перстень, поднося его к самому пламени свечей. Однако клейм или меток на нем не было, и даже рубин не отличался особыми размерами, единственная его особенность в необычайной чистоте камня. Советник, пожалуй, даже преуменьшил, при везении перстень можно было сбыть почти за три тысячи.

— Продано, господин! — поспешно согласился его поделецник. — Можете забирать.

Регди молча подошел к клетке, поднял покрывало, дракончик, все это время напряженно наблюдавший за происходящим, испуганно шархнулся. Советник накрыл клетку покрывалом и взялся за ручку, легко поднимая клетку, зверек пока весил совсем немного, чуть побольше упитанного котенка.

Не прощаясь, он покинул дом, браконьеры поспешно делили деньги, они явно тоже не стремились задержаться здесь. Почти наверняка исчезнут сразу после ухода покупателей.

Уже на улице спустя несколько минут его нагнали торопливые шаги. Тонкая рука в перчатке довольно крепко схватила за предплечье.

— Пожалуйста, господин, послушайте! Мне очень нужен этот дракон, уступите мне его, я верну вам потраченные деньги, напишу расписку, по которой вы сможете получить гораздо больше. Прошу вас!

— Простите, сударыня, но я вряд ли соглашусь пожертвовать собственной жизнью, даже если вы сейчас скажете, что дома у вас умирает единственный сын, — сухо ответил

советник, одним движением освобождаясь от ловких пальцев. — Прощайте.

И поспешил прочь, не желая слышать уговоры. Регди не солгал: вряд ли даже упоминание об умирающем ребенке заставило бы его уступить дракона. Разве что совесть могла уколоть. Потом, когда он был бы полностью уверен, что собственная жизнь уже вне опасности.

Фамильяры обладали рядом довольно-таки полезных и, надо сказать, в некоторых случаях жизненно необходимых свойств. Так, например, они полностью защищали своего хозяина от ядов и проклятий, даже от тех, которые в прошлом (да, впрочем, и сейчас) считались абсолютно неснимаемыми. Также при ритуале запечатления могли вылечить хозяина от любой самой смертельной болезни или раны. И, по слухам, сильно продлевали жизнь, чуть ли не вдвое или втрое. Последнее случалось крайне редко, вообще же эффективность фамильяра зависела от его взаимопонимания с хозяином. Чем ближе эти двое, тем больше эффект, но добиться такого близкого контакта с фамильяром, чтобы продлить свою жизнь, удалось единицам. Регди на такую удачу и не рассчитывал, как и на половину других свойств, понимая, что с диким наладить хоть какой-то контакт будет весьма сложно. Но для него сейчас важнее всего был ритуал запечатления, вероятно, единственное, что еще может его спасти.

За две улицы от дома браконьеров советника ожидал экипаж, наемный, разумеется, который и повез его почти на другой край города. И уже оттуда он собирался добираться домой.

Ехать было далеко, советник поставил на соседнее сиденье клетку и снял покрывало, рассматривая свое приобретение. Дракончик сжался, стараясь отодвинуться как можно дальше, насколько позволяло тесное пространство клетки, но испуганным он уже не выглядел, скорее настороженным. В экипаже присутствовало кое-какое освещение для припозднившихся клиентов, потому советник получил возможность рассмотреть будущего фамильяра, а рассмотрев, слегка скривился. Самка. Досадно, но самки, даже взятые из питомника, довольно трудно поддаются приручению, что

уж говорить о дикой. Ну что ж, по большому счету выбора у него все равно не было, так что стоит решать проблемы по мере их поступления. А следующим на очереди было запечатление, ритуал довольно простой, но требующий тактильного контакта с фамильяром. У которого, несмотря на скромные размеры, два ряда острейших зубов и, по всей очевидности, стойкое желание использовать их по назначению на первом, кто рискнет оказаться слишком близко. Регди оставалось лишь два варианта: либо рискнуть рукой, либо попытаться наладить контакт с испуганным животным.

— Не бойся, малышка, я ничего плохого тебе не сделаю. — Стараясь говорить как можно мягче, он протянул руку к клетке.

Дракончик, как и ожидалось, зашипел и оскалился. С приручением животных и детей у советника всегда имелись определенные проблемы, он просто не умел разговаривать ни с теми, ни с другими.

Некоторое время дракон и человек изучающе разглядывали друг друга, а затем советник со вздохом прикрыл глаза и откинулся на спинку сиденья, понимая, как же он все-таки устал.

ГЛАВА 2

Очнулась я в клетке. Обычная такая, с круглым деревянным дном, вверху прутья сходятся куполом. В подобных клетках, как правило, обитают дорогушие ара и какаду, но эта, пожалуй, побольше будет. Впрочем, с масштабами мне довольно сложно определиться, в данный момент клетка накрыта плотной темной тканью и, кстати, покачивается — очевидно, меня куда-то несут или везут, но сравнить свои размеры с окружающим миром это сильно мешало. А при первой и пока единственной встрече с людьми мне было слегка не до того. Только и показалось, что драконье тельце намного меньше тяжелой человеческой туши, примерно как небольшая собачка. Но этим впечатлениям я пока не вполне доверяла. Чего не почудится в такой момент.

Было страшновато, я понятия не имела, зачем меня поймали и куда везут. Может быть, драконы тут деликатес и из меня шашлык сделают? Это, конечно, было не самое логичное предположение, но откуда мне знать, для чего нужны драконы. Нервировало к тому же то, как я сюда попала. Если раньше просто видела сны по ночам, то в этот раз мгновенно провалилась в странный мир, даже не успев ничего понять. Получится ли проснуться или я теперь навсегда заперта в маленьком драконьем тельце?

Чтобы не сходить с ума от страха, на удивление, слишком сильного для моего спокойного характера, надо бы учиться лучше контролировать это тело. Так вот, чтобы успокоиться, я попыталась угадать, что происходит вокруг. Покрывало мешало обзору, но ведь обоняние и слух у меня были во много раз острее человеческих. Стоило только сосредоточиться на ощущениях, и информация обрушилась на меня огромным потоком, оставалось только осмысливать ее и сопоставлять. Скрип колес и тихое сопение, равномерное раскачивание и тихий цокот. Запах сена и животного, скорее всего, лошади. Чей-то недовольный голос, сердито произносящий короткое слово на незнакомом языке. Под покрывалом довольно душно, к тому же запахи и звуки проходят сквозь него чересчур приглушенно, даже для драконьих органов чувств. Ко всем запахам явственно примешивается аромат сена. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сделать выводы: очевидно, меня везут в телеге, спрятав в соломе, рядом кто-то спит, а еще кто-то ругался, но местного языка я не понимаю. С одной стороны, куча информации, с другой — совершенно никакой. Ну везут. А куда? И зачем?

Спустя два, как мне показалось, часа мою клетку вытащили из сена и подняли покрывало, затем решили накормить. Прежде чем сообразила, что делаю, я попыталась укусить протягивающую мне миску руку. Но человек был в толстой кожаной перчатке, зубы завязли в ней, судя по ощущениям, не причинив особого вреда. Человек ругнулся и коротко ударил под челюсть. Падать в клетке было некуда, потому всего лишь ударилась о прутья. Больно!

Я зашипела, стараясь сдержать внезапно подступившие

к глазам слезы. Еще не хватало! Все-таки у этого тела совершенно детские реакции.

Человек еще раз ругнулся и вновь накрыл клетку. Ближе к ночи мы приехали, если судить по звукам, в какой-то город или просто многонаселенное место, затем остановились в пустующем доме. Там пахло пылью и, очевидно, давно никто не жил.

Если бы в клетке было чуть больше места, я бы, наверное, начала метаться, чтобы избавиться от этой опустошающей беспомощности и непонимания. Но клетки хватало только на то, чтобы сидеть, не скрутившись в тугой узел, да разворачиваться без помех. Так что единственное, что мне оставалось, это слушать.

Позже в дом помимо моих похитителей пришли еще два человека, и покрывало с клетки наконец сняли. Я следила за людьми, не понимая ни слова, но это и не нужно было, чтобы разобраться в происходящем. Торг. Двое в плащах соревновались за возможность купить меня. Под одним из плащей скрывалась женщина, об этом говорил и запах, и излишне эмоциональное поведение. В самом начале торга она попыталась прикоснуться ко мне, но я инстинктивно щелкнула зубами, давая понять, что такого не потерплю. В итоге купил меня мужчина.

Я зябко поежилась под вновь выброшенным покрывалом. С одной стороны, судя по всему, заплатили за меня много, а значит, скорее всего, на шашлык или модную сумочку не пустят. «Точно, я себе верю? Может быть, драконье мясо — это чудодейственное лекарство?» Ладно, ладно, но, по крайней мере, с тем, кого собираются убить, не пытаются наладить контакт, а та женщина явно намеревалась сделать именно это.

С другой же стороны, все равно непонятно, зачем меня купили. В качестве питомца? Быть чьей-то домашней зверушкой мне тоже абсолютно не хотелось. Будущее пока что выглядело довольно мрачно, и как проснуться, чтобы вновь оказаться в собственном теле, неясно.

Мои предположения о домашнем питомце косвенно подтвердились: в карете мужчина тоже попытался наладить контакт. Протянул руку ладонью вверх и попытался ска-

зять, очевидно, что-то успокаивающее. Да уж, этого типа к детям и животным подпускать не стоит, не знаю уж, что он там говорил, но тон при всем старании получился властным, несмотря на все попытки придать ему мягкости. Предупреждающе щелкаю зубами. Нет, я его уже не боялась, во всяком случае не настолько, чтобы шипеть и кусаться в панике. И сделала это не инстинктивно, как прежде, а вполне осознанно. Я этому человеку не доверяю, чтобы позволять ему ко мне прикасаться, и нелишне заранее дать понять, что в случае чего буду защищаться до последнего, даже если с моими размерами ни на что действительно серьезное я не способна.

Человек понял, прикрыл глаза и устало откинулся на спинку сиденья. Я воспользовалась возможностью рассмотреть своего «хозяина» получше. Рост и телосложение под плащом определить было сложно, а вот капюшон он откинул, так что лицо с правильными и довольно приятными чертами мне было видно хорошо. Греческий нос, волевой подбородок. Четко очерченные тонкие губы. Под прикрытыми веками глаз не видно, но, если я правильно запомнила, они серо-голубые. Шатен, подстрижен не слишком коротко, волосы прикрывают шею. Вот и все, пожалуй, вполне привлекательное лицо, хотя и не сказать чтобы располагающее. Есть в нем нечто жесткое. Ну еще стоит отметить излишнюю бледность и утомленный вид. Болен или сильно устал?

Ехали мы около получаса, затем мужчина вновь накрыл клетку и куда-то понес. Я сидела тихо, чувствуя, что уже очень скоро узнаю, зачем меня поймали. Сбежать я уже не пыталась, знала, что клетка, несмотря на кажущуюся хрупкость, весьма прочная. Сломать прутья у меня не хватало сил, пробовала уже, за что опять схлопотала удар от похитителей.

Кажется, пришли. Хлопнула дверь, что-то зашуршало, да и запах изменился. Пахло жильем, людьми, чем-то съедобным. Запахов было много, я старалась угадать, к чему они относятся. Даже увлеклась немного и совсем не ожидала следующих действий мужчины. Он снял покрывало, поставил клетку на стол, провернул маленький ключик в хитром

замке, а потом, равнодушно отвернувшись, обошел стол и сел в кресло, стоящее по другую сторону.

Я настороженно наблюдала за тем, как он неторопливо копается в ящике стола, вынимает трубку и небольшой кожаный мешочек, обстоятельно набивает ее и прикуривает, устало выпускает колечко дыма в потолок. Быстро осматриваюсь: комната напоминает кабинет. Шкаф с книгами за спиной хозяина, старинный письменный стол, на котором стоит моя клетка, рядом подсвечник на шесть свечей и бумаги, придавленные пресс-папье. Левая стена кабинета тоже занята большим старинным шкафом с книгами, правая полностью закрыта тяжелой портьерой шоколадного цвета, наверное, там окно. Что находится сзади, я не видела, потому что не рискнула поворачиваться к мужчине спиной.

Поколебавшись немного, решаюсь аккуратно толкнуть лапой клетку. Та, как ей и следовало, открылась. Так, и что теперь? Выходить или не стоит? Опасливо высовываю голову из клетки, от запаха табака тянет чихать, что я и делаю аж целых три раза, потом машинально облизываю нос языком. А у драконов, оказывается, очень длинный язык!

Мужчина смотрит на меня, нарочито не торопясь вынимает трубку в пепельницу, затем кладет руки на стол, ладонями вверх. Наверняка это должно дать мне понять, что он ничего плохого делать не собирается, но я в общем-то и так догадалась. Вряд ли он стал бы открывать клетку, если бы хотел что-то со мной сделать, в ней у меня гораздо меньше свободы действий. Понять бы еще, чего он от меня хочет. Почему-то я сильно сомневаюсь, что домашнего любимца покупают с такими сложностями, и хоть я не понимаю местный язык (ну какой это сон после этого?!) и не разбираюсь в их денежной системе, что-то подсказывает: заплатили за меня много. Один только перстенок с рубином выглядел внушительно.

Наконец я решила и выбралась из клетки целиком, настороженно принялась к рукам мужчины, мимолетно удивляясь тому, что ориентироваться на запах и слух для меня уже кажется естественным. Руки терпко пахли табаком, и человеческой кожей, и еще чем-то незнакомым, тра-

вяным. В общем-то запах неприятных ощущений не вызывал. Придвигаюсь чуть ближе, мужчина в то же время медленно протягивает ко мне руку. Я еще колебалась, стоит ли позволить ему прикоснуться к себе или лучше не связываться, как вдруг мужчина побледнел и схватился за голову.

Я занервничала. Только этого не хватало! Он чем-то болен? А если это приступ и он сейчас умрет? Как бы потом я виноватой не оказалась. Что же делать, ведь я ему сейчас и помочь ничем не смогу, даже искусственное дыхание не сделать. Впрочем, судя по расширенным зрачкам и выступившим на бледной коже бисеринкам пота, ему сейчас не искусственное дыхание нужно, а лекарство. Обезболивающее как минимум.

Надо подумать спокойно, не суетиться, но и быстро, а то, пока буду соображать, человек, чего доброго, и умереть успеет. Значит, так: возможно, этот приступ не первый, проверить ящик стола на предмет лекарств. Стараясь не обращать внимания на медленно оседающего в кресле мужчину, подбегаю к краю стола и лапами выдвигаю ящик, сую туда нос. Апчхи, тьфу, все табаком провоняло. Так, стопки бумаг, две трубки, два мешочка с отчетливым табачным запахом. Еще один мешочек, но запах уже травяной. Что-то знакомое. Точно, так пахло от рук мужчины. Оно? Не знаю, но ничего более подходящего в ящике нет, а делать что-то надо, у бедняги уже губы посинели.

Развязать тонкий эластичный шнурок на горловине мешочка драконьими лапами оказалось почти нереально, во всяком случае в приемлемые сроки. Просто разрываю его клыками, на стол выкатываются странные таблетки размером с монету, напоминающие прессованное сено. Как же он такое проглотит, да еще и в предобморочном состоянии? В панике озираюсь и с облегчением обнаруживаю у противоположной стены тумбочку с кувшином и тонкой фарфоровой кружкой. Никогда не думала, что можно за одно мгновение пролететь через всю комнату, зависнуть на одном месте, как пчела, налить в кружку воды и вернуться, не пролив ни капли.

Как я пыталась заставить его проглотить лекарство, это отдельный разговор. Маленькие размеры в данном случае

стали серьезной помехой: пришлось забраться к мужчине на колени и, встав на носочки, проталкивать большую крошащуюся таблетку в рот и только потом приставить к губам кружку. Он судорожно сглотнул, а затем послушно принялся глотать воду. Минуты через две синева с губ начала медленно сходить, да и дыхание выровнялось. Ну слава богу, обошлось!

Но, кажется, я рано обрадовалась. Стоило только ему немного прийти в себя, как я тут же была крепко стиснута сильными руками, мужчина что-то быстро заговорил. В теле отчего-то появилась слабость, и по спине побежали мурашки. «Странное ощущение, — пришла отстраненная мысль, — мурашки по чешуе». Впрочем, спустя несколько минут все прошло, и я даже смогла сердито завозиться на руках у человека и выразить свое неудовольствие негромким шипением.

— Умная девочка, — сообщил он довольно, почесав меня между рожками.

И с каких же это пор я стала его понимать?

— Умная девочка. — Регди рассеянно почесал фамильяра между коротких рожек.

Можно было себя поздравить, он не только решил свою главную проблему, но, оказывается, и весьма удачно вложил деньги. Кто мог ожидать, что дикий дракон окажется настолько сообразительным, чтобы догадаться дать беспомощному человеку нужное лекарство? Советник чуть заметно поморщился, он не рассчитывал, что очередной, по всем прикидкам последний приступ настигнет его так скоро. Он должен был случиться к утру, Регди был уверен, что времени хватит, ведь приступы регулярно повторялись два раза в сутки: на рассвете и на закате. Он принял лекарство, прежде чем выйти из дома, и не стал брать его с собой. А следовало бы. Следовало бы и вовсе держать мешочек с прессованными особым образом травами при себе. Когда внезапная боль сначала взорвала голову яркой вспышкой, а затем скрутила все тело, он был уже не в состоянии дотянуться до ящика стола, не говоря уж о том, чтобы позвать на помощь. И определенно не ожидал, что помощь эта придет от его но-

вого приобретения, на которое и надежд особых не возлагалось, разве только избавить от медленно и мучительно убивающего проклятия.

Что ж, можно считать, повезло. И даже думать, как совладать с испуганным фамильяром, чтобы провести запечатление, не пришлось. Едва начав приходить в себя, Регди только и помнил, что дракон как раз нужен, чтобы избавить его от этих приступов, потому, не особо еще соображая, прижал к себе зверька, шепча древние слова ритуала. Дракон на его коленях недовольно шипел на такое обращение, но агрессии не проявлял.

— Умная девочка, — повторил Ингельд, пересаживая дракону на стол. — И как бы тебя назвать?

Та склонила набок чешуйчатую голову, увенчанную маленькими рожками, и посмотрела заинтересованно. Фамильяра действительно следовало как-то назвать, а еще подумать над тем, как его легализовать. До сих пор ему было несколько не до того, лишь бы выжить. Советник даже допускал, что ради этого придется пожертвовать титулом и всем имуществом. В конце концов, изгнание в его случае было не самым плохим вариантом, когда альтернатива — смерть. Но раз уж все так удачно сложилось...

Кое-какие идеи относительно легализации фамильяра у него конечно же были, все-таки Регди не мог не надеяться, что все получится. И сейчас постарался припомнить, нет ли у него должников с фамильяром-самочкой. Выходило, что таких двое, надо бы еще для верности заглянуть в свои записи. Вообще-то вне питомников драконы размножались довольно редко, еще реже в кладке выживало больше одного детеныша. По правде сказать, драконы и в питомнике размножались не слишком хорошо, а через три-четыре поколения и вовсе превращались в обычных зверей, теряя все свои полезные свойства, да и глупели изрядно. Собственно, именно для того и существовал Заповедник — для притока свежей крови и поддержания необычных свойств фамильяров. Дикие тоже считались глупыми и не поддающимися приручению, но если аккуратно изъять яйцо из кладки и правильно вырастить фамильяра в питомнике, то следующее поколение будет именно таким, как нужно.

Лениво размышляя, советник вставил в один из ящиков стола специальный маленький ключ и вынул нужные записи. Итак, чем мы располагаем? Барон фон Рейн; имеет фамильяра-самочку. Нет, не годится, долг его намного меньше, чем мог бы стоить дракон, так что представить это как уплату долга фамильяром не получится. Да к тому же барон феноменально болтлив, о таком неординарном событии, как драконья кладка, должны были узнать все его соседи. Совершенно не годится. Далее: граф Сенж. Этот, в отличие от барона, крупно проигравшегося в карты, должен был не деньги, а услугу, причем довольно специфическую. Впрочем, для непосвященных в проблему все тоже было представлено как карточный долг. Вот это, пожалуй, идеальный кандидат — и живет довольно далеко от столицы, и болтать лишнего не любит. Думается, он легко согласится в случае нужды подтвердить, что отдал советнику фамильяра в счет уплаты долга. И долг в самом деле можно простить.

Регди положил перед собой письменные принадлежности, раздумывая над письмом графу, и рассеянно потянулся за трубкой. Нащупав вместо ожидаемой пепельницы пустой стол, удивленно поднял голову. Дракона, смотря на него честными-пречестными глазами, задней лапой аккуратно отодвигала пепельницу себе за спину.

Советник усмехнулся, невозмутимо доставая запасную трубку, нарочито медленно набил-закурил и выпустил дым в сторону насупленно следящей за ним драконы. Та сердито чихнула, облизывая нос длинным раздвоенным языком.

— Ну?

Дракона, огорченно вздохнув, неохотно вернула пепельницу на место. Регди знал, в чем дело — запах. У драконов очень сильное обоняние, и многие запахи, которые нравятся людям или просто не мешают, кажутся им неприятными. До сих пор о таких мелочах он попросту не задумывался, а вот теперь... Менять привычки, чтобы подстроиться под своего фамильяра, или игнорировать? Советник с сомнением взглянул на трубку и понял, что курить не бросит даже ради железного здоровья и дополнительных ста лет жизни. Тем более что отказ от вредной привычки вовсе не гарантирует столь плотного контакта с фамильяром.

Он отбросил ненужные мысли и вернулся к недописанному письму, не обращая внимания на дракончика, который от нечего делать уже успел собрать раскатившиеся по столу таблетки и теперь, сложив их в небольшую кучку, с любопытством исследовал, тщательно обнюхивая и даже осторожно пытаясь попробовать на вкус кончиком языка.

На некоторое время советник сосредоточился на письме, стараясь подобрать намеки, которые поймет граф Сенж и не сразу поймет кто-то другой, если письмо все же попадет в чужие руки. Перечитал, удовлетворенно кивнул. Годится. Потер усталые глаза и только сейчас почувствовал, как хочется спать. Глубокая ночь, пора бы и отдохнуть. А все остальные проблемы можно отложить, по крайней мере до утра. На трезвую голову.

Педантично убрав все бумаги (привычка, выработанная годами, некоторых бумаг не должны видеть даже самые преданные слуги), советник подхватил встрепенувшегося фамильяра на руки и отправился в примыкающую к кабинету спальню.

Завтра, все завтра.

Я не ожидала, конечно, всерьез, что попытка умыкнуть пепельницу увенчается успехом, но попробовать стоило. Ну что поделаешь, если мне не нравится ядреный табачный запах, кстати, раньше такого за собой не замечала. Все же в подобном чувствительном обонянии есть и свои минусы. И как, интересно, бедные собаки терпят курящих хозяев?

Мой «хозяин» курил и что-то вдумчиво писал, не обращая на меня внимания. Заскучав, решила собрать в кучку его лекарство, как-то он небрежно отнесся к раскиданным по столу травяным таблеткам, а ну как приступ повторится? Не сдержав любопытства, решила немножко поисследовать эти прессованные кругляшки. Надо полагать, большого вреда не будет, если я испорчу одну. Внешний осмотр и попытка понюхать особо интересных результатов не дали: ну сушеная трава, ну спрессована в довольно крупную и рыхлую таблетку. Единственное, немного удивляет, что тут до подобного додумались, все-таки кареты-лошади и такие вот лекарства как-то не вяжутся. Впрочем, информации пока

маловато для подобных выводов. Поколебавшись немного, осторожно лизнула одну из таблеток кончиком языка — немного горьковато, но в принципе ничего, даже приятно. Ну и спрашивается — зачем я это сделала? Как будто не знаю, что не стоит пробовать на вкус незнакомые лекарства. Как ребенок, право слово!

Пока я предавалась размышлениям, мужчина закончил со своими бумагами — мимоходом сунула в них нос, ожидаемо ничего не поняла — и, небрежно зажав меня под мышкой, отправился в спальню. Там я была все так же небрежно спроважена в широкое кресло, а мужчина, наскоро раздевшись, рухнул в постель и тут же уснул. Нелегкий, видать, день выдался у бедняги.

Мне спать не хотелось совершенно: весь день проведя в клетке, успела неплохо вздремнуть, даже несмотря на приступы неконтролируемой паники. Значит, настала пора подумать, пока никто не мешает. И что мы имеем? А имеем мы драконье тело с поведенческими реакциями несмышленного ребенка, которые удастся контролировать хорошо если через раз, невозможность разговаривать с людьми из-за иного строения драконьей пасти и, подозреваю, голосовых связок. А еще мы имеем хозяина, который непонятно зачем за большие, предположительно, деньги купил себе дракона. При этом на любителя домашних животных он не похож нисколько, значит, от меня ему должна быть какая-то иная польза. Первая заметка. Выяснить. Возможно, пригодится.

Сворачиваюсь в кресле по-кошачьи и, положив под голову лапы, вздыхаю.

Дальше. Как вернуться обратно в родное тело — неясно, и удастся ли это выяснить — тоже неясно. До тех пор придется устраиваться здесь. Как следует себя вести? Ну с «хозяином» роль неразумной зверушки уже не сработает, я себя выдала с головой, да к тому же неизвестно, насколько на самом деле другие драконы разумны. Попробовать роль «малыш шкодливый, но умный»? Люди, как правило, гораздо снисходительней относятся к сообразительным питомцам, особенно если те имеют некоторое детское обаяние и если шкодят, то не всерьез и без радикальных последствий. Значит, решено: демонстрируем доброжелательность,

умеренную сообразительность и любознательность. А там видно будет.

Полежав еще несколько минут, я поняла, что за любознательностью дело не станет: спать по-прежнему не хотелось, а после почти целого дня сидения в замкнутом пространстве тело требовало движения и расхода энергии. Да к тому же просто нестерпимо хотелось побыстрее обследовать территорию своего нового местообитания. Возможно, это какой-то драконий инстинкт, но я чувствовала насущную необходимость все понюхать, пощупать и, возможно, даже попробовать на вкус.

Не выдержав, спрыгиваю с кресла и подбегаю к хозяйской кровати. Спит. Ну пусть спит.

Внимательно осматриваюсь, в комнате темно, но мне это совсем не мешает. Так, кровать, кресло — неинтересно. И пушистый ковер: не удержавшись, несколько раз перекатываюсь, чувствуя, как шкуру щекочут жесткие ворсинки; ковер тоже неинтересно. Столик — пустой. Тумбочка — кувшин и медный тазик. Поднимаюсь на цыпочки, чтобы дотянуться до края тумбочки, и зачем-то сую нос в тазик.

Бумс!

Несколько мгновений, сжавшись в комочек, сижу тихо и настороженно прислушиваюсь к тишине, затем опасливо высовываюсь из-под тазика. Спит. Фух! Надо бы поаккуратней, все-таки и свои нынешние габариты учитывать. Это ведь хорошо, что медный таз — вещь относительно легкая и не плоская, так что меня просто накрыло. А вот если бы по голове вот такой дурой? И прощай, крылатая ящерка.

Дальше я старалась обследовать комнату, по возможности ничего не трогая. Понюхать, в конце концов, можно и на расстоянии, а трогать и лизать все подряд — это уже варварство какое-то. Правда, тактильных ощущений сильно не хватало, но я все же старалась держать себя в руках. Впрочем, в комнате ничего особенного больше не обнаружилось. Вообще, обстановка довольно аскетичная, если не считать ковра. Вот ковер был шикарен, да в общем-то и другая мебель не подкачала, но ее было мало. Сразу бросалась в глаза немного тяжеловесная красота старинных и со вкусом по-

добранных вещей. То есть это на мой взгляд они были старинными, но, вероятнее всего, здесь это был обычный стиль.

Моей сдержанности надолго не хватило — все-таки деятельная драконья натура требовала каких-то более радикальных шагов. И исследований одной только комнаты мало. Тем более что тут все вещи пахнут только одним человеком, их хозяином. Что в общем-то закономерно, но не слишком интересно. А хочется исследовать весь дом, там наверняка множество незнакомых запахов. Осторожно подбираюсь к двери, толкаю лапой. Не заперто.

«А лучше бы было заперто, опять ведь что-нибудь натворю», — промелькнула последняя рациональная мысль, прежде чем исследовательский энтузиазм захлестнул меня с головой.

Попала я обратно в кабинет, а вот там дверь была заперта, и довольно крупный ключ торчал в замке. Причем, даже встав на задние лапы и вытянувшись в струнку, я до него не дотягивалась. Но это явно не препятствие для неумного драконьего любопытства. Взлетаю, хватаюсь двумя лапами за ключ и пытаюсь его провернуть, тот поддается на удивление легко, послушно проворачиваясь в замке. Вместе со мной.

Не устаю поражаться феноменальной гибкости своего тела, это ведь уму непостижимо, как можно вот так — едва ли не завязаться узлом и при этом остаться висеть на торчащем в замочной скважине ключе? Который, кстати, начал подозрительно гнуться под моим весом. Начинаю усиленно работать крыльями, дверь с тихим скрипом открывается.

«Может, не надо?» — вяло трепыхнулось сомнение, но в щель уже проникло множество незнакомых запахов, потянувших меня за собой, как магнитом.

Не знаю, можно назвать плюсом или минусом чувствительное обоняние драконов, сравнивать мне не с чем, но сшибающая с ног волна ароматов захватила меня с головой. Я в ней тонула, пытаюсь угадать, что и к чему относится, разобрать на составляющие невообразимую смесь запахов человеческого жилья. В хозяйских покоях все-таки преобладал запах одного человека, смешанный с табаком, и там он был довольно устойчив, перебивая остальные, менее значи-

тельные. А вот в доме, там можно было учуять и других людей, и много что еще. Какое-то время я заворуженно бродила по пустынным в ночное время коридорам, крутя головой в полном ошеломлении и не зная, куда податься, пока носа не коснулся совсем слабый запах съестного. В животе тут же заурчало, запоздало вспомнилось, что я ведь за последние сутки ела всего лишь один раз — давешняя брусника в лесу не считается, вполне вероятно, что в моем рационе эти ягоды присутствовали неделю назад или даже больше. Ибо неизвестно, как долго длилось путешествие, пока я бодрствовала и «отсутствовала» в драконьем теле. Нос сам повернулся на запах, пора поискать пропитание голодному зверю.

В конечном счете собственный нос ожидаемо привел меня на кухню. Было там пусто и тихо, а что обидней всего — несмотря на запах, ничего съестного при беглом осмотре я не нашла. На всякий случай проверила кастрюлю, найденную на печи, та, к моему глубокому сожалению, оказалась не только пустой, но и чисто вымытой. Все самые соблазнительные запахи доносились из-за плотно закрытой двери кладовой. Но добраться до этих закромов у меня, к сожалению, не было никакой возможности. Но это же нонсенс, чтобы на кухне и не было ничего съедобного! Надо только хорошенько поискать.

Первое, на что я набрела, был толстый деревянный бочонок, от которого умопомрачительно пахло какими-то солениями. Желудок предательски заурчал, заставив на время забыть о продолжении поисков. Я бы сейчас вполне удовлетворилась и мочеными яблоками или же квашеной капустой. Проблема состояла лишь в том, что бочонок этак в два моих роста высотой наполовину прикрыт толстенной деревянной крышкой, сдвинуть которую мне вряд ли под силу, а его содержимое, распространяющее одуряющий запах солений, покоилось где-то на самом дне.

Может, ну его? Не достану ведь!

Я принохалась и сглотнула. Ладно, разок попробую и, если не получится, возвращаюсь в хозяйскую спальню. Меня в любом случае должны накормить утром. В конце

концов, это нелогично — заводить домашнего питомца и не кормить его.

В бочонок я все-таки полезла, зацепившись когтями задних лап за край, попыталась протиснуться в щель между краем и крышкой. Протиснуться-то протиснулась, а вот о том, что когти-то у меня далеко не кошачьи, следовало бы догадаться раньше — вес моего тела они не удержали. С протестующим писком обрушиваюсь вниз, плюхнувшись в раскол. Что-то заскрипело, и резко стало темно. С нехорошим предчувствием поднимаю голову вверх. Не знаю уж, от падения или хвостом зацепила, но крышка съехала, полностью закрыв щель. Тяжелая, между прочим, крышка, а когти у меня, как уже говорилось, не кошачьи, недостаточно острые, чтобы цепляться за разные поверхности. Если вскарабкаться до верха по гладким стенкам бочонка и удастся, то выдавить крышку — вряд ли, съеду просто. Для того чтобы расправить крылья и взлететь, места мало.

«Доигралась! — обреченно подумала я. — И винить в этом некого, кроме себя самой. И почему считается, что детство — это лучшая пора? Это же ужас на самом-то деле! Полная утрата здравомыслия и способности принимать адекватные решения! Неуемное любопытство в разы больше, чем инстинкт самосохранения. С этим надо что-то делать, причем не потом когда-нибудь, а срочно! Иначе, дожидаясь, когда мое драконье тело повзрослеет самостоятельно, я рискую угробиться раньше по собственной глупости! Не факт, что в таком случае я вообще смогу проснуться в родном, точнее, есть у меня премерзкое ощущение, что уж тогда точно не проснусь».

Я посмотрела вверх на преграждающую мне путь к свободе крышку и подумала внезапно, что, может, оно и к лучшему. А то ведь у меня вполне хватило бы безрассудства найти открытое окошко и отправиться среди ночи исследовать окрестности дома. Нет уж, если я не способна контролировать собственное тело, то придется применять внешнее воздействие.

Главное, чтобы меня в этой бочке завтра все-таки нашли. И еще следовало бы помнить, что за крупные проделки до-

машних питомцев принято наказывать. Осталось надеяться, что мой случай таковым не сочтут.

И ведь что самое обидное: на дне бочонка, кроме рассола и одного огурца, ничего не оказалось!

ГЛАВА 3

Следует заметить, что переполох, который поднялся, когда в бочке из-под солений младший помощник повара нашел маленького дракона, советник позорно проспал. Это был тот редкий случай, когда он позволил себе лишний час сна, а слуги, несмотря на небывалое происшествие, хозяина будить не посмели. Переполох унял дворецкий, резонно предположив, что хозяин всего лишь завел фамильяра. А от чего бы столь знатному господину, как их хозяин, и в самом деле не обзавестись таким полезным существом? Существо же смотрело на суетящихся вокруг людей столь умильно-печальными глазами, что даже самые недогадливые очень скоро сообразили, что найденыша обязательно надо накормить. Впрочем, в животе у насквозь пропахшего рассолом дракончика урчало не менее выразительно.

В результате советник, проснувшись утром, обнаружил полное отсутствие вчерашнего приобретения в пределах видимости и сиротливо валяющийся на полу тазик для умывания. Регди нахмурился. Неприятно было признаваться в собственной оплошности, но он вообще-то довольно слабо представлял, что теперь должен делать с собственным фамильяром. Советник никогда не держал домашних питомцев, если не считать охотничьей собаки в юности. За собакой приглядывали опытные люди на псарне, и теперь он не слишком хорошо знал, какие у него появились обязанности по отношению к дракону. Нет, советник не то чтобы совсем не знал, что делать, знания его были весьма обширными, но, к сожалению, исключительно теоретическими.

В государстве, где фамильяры давно и прочно стали не только признаком высокого положения и достатка, но и частью культуры, считалось неотъемлемой частью хорошего образования прослушать обширный курс лекций о фамиль-

ярах. Так что эти лекции входили в обязательную программу обучения юношей из аристократических семей. Но, впрочем, даже простолюдины и деревенские мальчишки, ни разу в жизни не увидевшие настоящего дракона, знали о фамильярах достаточно много. Кто в детстве не зачитывался или в крайнем случае не заслушивался историями уличных сказителей о приключениях юного Зели Дарна и его лучшего друга дракончика Лило? Кто в юношестве не читал захватывающие приключенческие и детективные романы, в которых бравому главному герою всегда помогает сообразительный и ловкий фамильяр? Да что там говорить, даже в насквозь засахаренных женских романах, от которых самого советника начинало кривить с первых строк, шустрые фамильяры часто носили юным девам тайные записки, помогали соединиться влюбленным сердцам, а также чудесным образом и весьма ловко спасали любовников от поимки на месте преступления. Так что совсем ничего не знать о драконах, пожалуй, даже сложно. Но вот реального опыта обращения с животным эти знания, к сожалению, не дают совершенно.

Советник абсолютно не умел о ком-то заботиться, и сейчас этот досадный пробел в его образовании создал первую проблему. Фамильяр ночью куда-то сбежал, и Регди понял, что чего-то не учел. Где теперь искать шустрого зверька? Хорошо, если не выбрался из дома, а если все-таки выбрался? Тогда это могло грозить множеством неприятностей, начиная от проблем с легализацией, поскольку не все еще было готово, и заканчивая подмоченной репутацией — от советника фамильяр сбежал, какой позор! — или перепродажей дракона. Конечно, запечатление разорвать нельзя, да и за похищение и перепродажу чужого фамильяра наказание не меньше, чем за браконьерство, но мошенников, готовых рискнуть, всегда хватает.

К счастью, забеспокоиться всерьез он в этот раз не успел, лишь начал машинально обдумывать, как поступить, если фамильяр все же сумел найти ночью путь на улицу. Однако появился дворецкий, по обыкновению помогающий хозяину с утренним умыванием, и принес пропажу, уже чисто отмытую и накормленную. Дракона тихо сидела на руках ста-

рого слуги и смотрела на хозяина невинными глазами младенца. Советник этому взгляду не поверил ни на грош: ему не раз доводилось видеть прожженных мошенников и интриганов, смотрящих такими же невинными глазами. Против ожидания, никакого протеста не последовало, когда советник решил запереть слишком активную дракону в клетку. Лишь честный взгляд сменился на печальный. Советник только мысленно головой качнул — глаза у зверька большие и влажные, любое выражение демонстрируют четко и ясно, только вот эмоциями она играет слишком уж ярко. На такие дамские уловки он отучился попадаться еще, дайте боги памяти, лет в двадцать. Заодно напрочь отучившись доверять насквозь лживым придворным красавицам.

Как ни странно, пока Регди умывался и завтракал, дракона сидела в клетке тихо, только следила взглядом пристально и неотрывно, при всяком удобном случае стараясь посмотреть в глаза жалобно и укоризненно. Да и потом, поставив клетку в кабинете на край рабочего стола, советник не услышал от фамильяра ни звука, что его, несомненно, обрадовало. Работу никто не отменял — ни полугодовой отчет его величеству, который еще следует проверить в последний раз и кое-что подправить, ни написанных, но еще не отправленных писем, ни более объемную стопку еще не прочитанной корреспонденции. Впрочем, обрадовался советник рано — настороженная тишина и, более того, пристальный взгляд, который ощущался всей кожей, сильно мешали сосредоточиться. И если сам взгляд советник мог бы легко игнорировать достаточно долго, то ощущение нерешенной проблемы откровенно действовало на нервы.

А проблема, надо сказать, была не такой уж незначительной. Закономерно, что, прочно войдя в жизнь и культуру людей, драконы стали такой их важной частью, что выработались неписанные правила обращения с ними. И как водится, подобные неписанные правила иной раз бывают посильнее законов. Так, считалось плохим тоном выйти на улицу с фамильяром на поводке, а того хуже, в наморднике, совсем уж неприемлемым считалось причинять физический вред (некоторые глупцы полагали побои воспитательными мерами). Это говорило о том, что хозяин животного настолько

бестолков, что неспособен научить своего питомца простейшим правилам поведения. А еще любому понимающему человеку это говорило о том, что хозяин фамильяра не смог получить от него и трети полезных свойств, которые тот может дать при запечатлении. В условиях, когда и при разведении в питомниках фамильяры остаются своего рода роскошью и символом даже не богатства, а скорее принадлежности к некоему привилегированному обществу, где ревностно следят друг за другом, подсчитывая, кому же фамильяр дал больше полезных качеств, и особым шиком можно полагать попадание в десятку лидеров, любое пренебрежение к этому существу будет осмеяно, и нерадивый хозяин вмиг прослышет неудачником. А для аристократов репутация — это такая важная вещь, которая может повлиять едва ли не на всю твою жизнь, особенно когда король — увлеченный драконолюб, куда там некоторым собачникам, готовым чуть ли не спать в псарне рядом с любимыми питомцами. Черно-синий Тиль имел свое законное место за столом его величества на званых обедах наравне с советниками и гостями. И посмей только кто-то на это место претендовать!

Советник со вздохом открыл клетку — хочешь не хочешь, а ему придется учиться обращаться с этим существом. Воспитывать. И лучше, чтобы даже слуги не видели, что он держит фамильяра в клетке. Болтать им не запретишь, хоть увольнением грози, слухи все равно пойдут. А уж если они дойдут до его величества, можно и места при дворе лишиться. Но Регди совершенно не представлял, что теперь делать. Воспитание дракона сродни воспитанию ребенка, но детей у советника никогда не было, а если бы и были, он предпочел бы оставить ребенка на попечение нянек, уж они-то с этим справятся прекрасно. В данном случае это не годилось, фамильяр должен привязаться к хозяину, но не к постороннему человеку.

Как-то все это не вовремя сейчас. У советника совсем не было возможности возиться с воспитанием дракона. У него и так-то была довольно насыщенная жизнь, зачастую не оставляющая времени даже на собственный досуг, а сейчас еще и прибавилась серьезная проблема, которую необходи-

мо решить быстро и желательно скрытно. Регди до сих пор не знал, кто пытался его убить, наслав неснимаемое проклятие. Такая вот интересная ситуация — он понятия не имел, кому могло понадобиться убить его именно сейчас. Враги у советника, конечно, были, куда от них денешься при такой должности? Несмотря даже на то, что его величество Регди никогда особо не жаловал, хотя и уважал в какой-то мере. За честность. Или скорее за то, что его величество считал честностью. Как прогрессивный монарх, он был убежден, что рядом всегда должен быть тот, кто не испугается в должный момент сказать правду в глаза. Советнику пришлось осваиваться с нелегкой и совершенно не свойственной ему ролью правдолюба. Не самое простое искусство — говорить *нужную* правду в *нужный* момент человеку, властному над судьбой целого государства, пусть не самодуру, да и умом не обделенному, но от этого едва ли легче. Скажешь не то и не тогда, и вместо королевских милостей однажды познакомишься с плахой. Предшественник Регди продержался на этой должности два года, пока не потерял осторожность от мнимой безнаказанности и не начал говорить неудобную правду. На плаху его, однако, не отправили, лишь сослали куда-то на окраину страны с обвинением в оскорблении королевской власти и запретом появляться в столице. Его величество Арил II умел быть снисходительным. Когда ему это выгодно.

Регди занимал свою должность уже пятый год, и при дворе его не любили: за неуступчивый характер, за полное отсутствие подхалимства. Должность обязывает, кто бы еще из этих завистников подумал о том, насколько это сложно — изображать из себя королевскую совесть и тщательно просчитывать, за какую правду тебя хоть и скупое, но похвалят (кто ж любит свою совесть?), а за какую ничего, кроме неприятностей, не наживешь. И главное, не солгать ни словом, уж на такое у его величества чутье было просто звериное.

Советник сам не заметил, как, задумавшись, вновь вернулся к работе, читая и сортируя почту. Важное в одну стопку — прочитать, ответить немедленно, то, что может подождать, — в другую, и самая маленькая стопка — всяческие

глупости вроде прошений от неких не внушающих доверия личностей и любовных записок от экзальтированных придворных дам, это и читать не стоит, на растопку пойдет. Свою почту он предпочитал разбирать сам, хотя давно мог бы нанять секретаря. Но посторонним советник не доверял, а из немногочисленных своих людей, заслуживших доверие, не было никого, кого стоило бы ради столь незначительного дела отрывать от куда более важных обязанностей.

От размышлений его оторвала сунувшаяся в очередное письмо любопытная драконья морда, чуть не пропоровшая короткими, но острыми рожками бумагу. За что между этих рожок и схлопотала щелбан.

— Не лезь, — строго велел советник, — все равно же ничего не понимаешь.

И тут же хмыкнул мысленно, поймав себя за разговорами с неразумным зверем. А с другой стороны, даже собаки в человеческой речи что-то понимают, а уж драконы куда как умней собак. В чем советник с некоторым изумлением и убедился, когда дракона вдруг стремительно метнулась по столу, схватила когтистыми лапками лист бумаги и перо, а затем начала им что-то увлеченно корябать, держа неловко и поминутно роняя кляксы. Спустя какое-то время бумага была быстро подсунута советнику под самый нос. Вглядевшись в неловкий рисунок, Регди порядком оторопел: несмотря на сильную корявость и множество клякс, на бумаге ясно и без напряжения угадывалась кривая рожица с ехидно высунутым языком.

«Художественным талантом мой фамильяр уж точно не блещет», — с некоторой растерянностью подумал Регди.

Ночь в бочке прошла вполне благополучно, если, конечно, не считать рассола, в котором пришлось сидеть погрузившись чуть ли не наполовину, и скуки. Единственный огурец я, естественно, съела, ибо не знаю, сколько раз я за последние сутки ела, кормили меня определенно не досыта. Огурец, впрочем, проблемы не решил, но было хоть не так обидно оказаться в этой ловушке, все ж какая-никакая добыча.

Попытка выбраться, как и ожидалось, ни к чему не при-

вела. Даже несмотря на то, что крышка, как потом выяснилось, закрылась неплотно, оставив небольшую щель. Об этом я догадалась, уловив в одуряющем запахе рассола тоненькую струйку свежего воздуха. Если тщательно присмотреться, эту щель даже можно было обнаружить, и не увидела я ее сразу лишь потому, что в кухне тоже было темно и разница в освещении не была так уж заметна. Да только щель эта мне ничем не помогла: взлететь, как уже говорилось, места не хватило, а за гладкие стенки бочонка я просто не смогла зацепиться. Пожалуй, предположения о том, что я вообще смогу добраться до верха бочки, были излишне оптимистичны. Не с моими тупыми и не слишком длинными коготками. Нет, если бы стенки бочки были из мягкой древесины и не такие гладкие, может, что и вышло бы. А так... а так я просидела до утра, пока крышка над моей головой не закрипела и в бочонок не сунулась чья-то лохматая голова.

Ой, что ж ты так кричишь-то, болезный? Можно подумать, страшное чудовище нашел. Были бы у меня уши, свернула бы в трубочку. Ужас-то какой, и почему у драконов все такое чувствительное? И слух, и обоняние, у меня мало того что от запаха рассола уже голова кружится, так от этого вопля еще и болит. Дальше возник совершенно нездоровый ажиотаж, создалось впечатление, что я тут очень редкая и весьма непростая зверушка. Одно радовало: обращались со мной бережно. Охали, ахали и показывали пальцами, но хотя бы этими же пальцами не тыкали и руками не хватали. Затем пришел немолодой седовласый мужчина со строгим лицом и буквально несколькими словами всех утихомирил. Но что неприятно, местный язык я по-прежнему не понимала. Довольно странное явление: получается, что понимаю я теперь только своего «хозяина»? Это плохо. Придется учить язык, а еще грамоту. Совсем замечательно было бы где-нибудь местный букварик раздобыть. Я прекрасно отдавала себе отчет в том, что в качестве обычного домашнего питомца долго не протяну. Может быть, в чужом и непривычном теле еще можно как-то жить, но вот жить в отсутствие перспектив и хоть какого-либо общения точно невозможно.